

ИСТОРИЯ В ПОИСКАХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2025-3-5-14

EDN: FNTRAC

ASJC 1202

ГРНТИ 03.01.07, 03.01.09

Ссылка для цитирования: Воробьева О. В. Коллингвуд и Тойнби // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 3(70). С. 5–14. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-3-5-14. EDN: FNTRAC.

КОЛЛИНГВУД И ТОЙНБИ

O. B. Воробьева

Институт всеобщей истории Российской академии наук, 199334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32а; Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6 vorobushek1@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219143646

Researcher ID: R 8790-2016

SPIN-код: 7048-9027

Статья посвящена разбору критических замечаний Р. Дж. Коллингвуда и А. Дж. Тойнби в адрес друг друга, сделанных соответственно в «Идее истории» и «Постижении истории». Данный обмен мнений не получил характера дискуссии в связи с ранним уходом из жизни Коллингвуда, и потому не все его положения остались проясненными, а ее острополемический характер со стороны Коллингвуда утвердил в научном сообществе мнение о противоположности их взглядов. Между тем анализ их взаимной критики позволяет сделать вывод о том, что оба мыслителя не до конца поняли друг друга в вопросах относительности исторического познания, возможности научного познания истории и ее концептуализации. Коллингвуд, критикуя Тойнби за мнимый объективизм, не заметил в его концепции рассуждений об относительности исторического мышления. Тойнби, критикуя Коллингвуда за чрезмерный интеллектуализм, упустил из виду, что его способ концептуализации истории включает в себя анализ способов человеческого мышления, но при этом таких, которые предполагают не только рациональный компонент. Сравнительный анализ их позиций показывает, что, конфликтую друг с другом по отдельным пунктам, они придерживались сходных представлений в отношении цели истории и некоторых фундаментальных установок исторического познания. Оба искали выход из кризиса исторического познания посредством критики позитивизма и чрезмерной сциентизации исторической науки. Обоим этот выход виделся в срединной позиции между историцизмом и философией истории. Оба связывали изучение прошлого с универсальным взглядом на историю для решения проблем настоящего.

Ключевые слова: Р. Дж. Коллингвуд, А. Дж. Тойнби, «Идея истории», «Постижение истории», относительность исторического мышления, смысл истории, историческое познание.

Коллингвуд и Тойнби – два великих мыслителя XX в., оказавших влияние не только на британскую, но на всю западную гуманитарную мысль. В их судьбе много параллелей. Оба родились в 1889 г. в Англии, испытав воздействие господствовавших тогда в Англии позитивизма и эмпиризма, убеждение в неадекватности которых легло в основу их дальнейшей творческой деятельности. Оба получили хорошее домашнее образование под влиянием интересов и занятий ближайших родственников. Для А. Дж. Тойнби, помимо многочисленных родственников, занимавшихся научной деятельностью, основным источником его будущей заинтересованности в истории стала мама, писавшая рассказы по истории и испытывавшая их на засыпающем сыне [Воробьева, 2014, с. 774–778]; для Р. Дж. Коллингвуда – отец, близко знакомый с Джоном Раскиным (Коллингвуд, 1980, с. 321–322) [Мосс, 1998, с. 726]. Оба учились в Оксфорде, где изучали историю и получили сильную «прививку» к философии. В архиве Тойнби среди нескольких

сохранившихся тетрадей университетского периода – конспект лекций Дж. А. Смита о философии Гегеля, что свидетельствует о значимости его для ученого (Bodleian Library, a). В дальнейшем его увлечение философией усилилось благодаря знакомству с идеями Анри Бергсона, которое случилось благодаря философу А. Линдсею – одному из наставников Тойнби [Воробьева, 2023, с. 45]. Философская составляющая дальнейшего творчества Тойнби была настолько сильной, что многие критики предпочитали называть созданную им систему представлений о развитии человечества именно философией, а не историей [Toynbee and History, 1956]. Коллингвуд после окончания университета остался преподавать в нем именно философию [Moss, 1998, с. 726]. Он испытал на себе сильное влияние итальянского мыслителя Б. Кроche, чью книгу о Джамбаттисте Вико [Croce, 1913] и чуть позже автобиографию [Benedetto Croce..., 1927] он перевел. Записи и конспекты Б. Кроche, а также отсылки к Дж. Вико присутствуют в архиве и трудах Тойнби (что неудивительно, если учесть, что именно А. Линдсей был одним из тех, кто познакомил британскую гуманитарную мысль с идеями Б. Кроche [Croce, 1914]). Все последующее творчество Коллингвуда было напрямую связано с философией. Его первая книга называлась «Философия и религия» (1916), за которой последовали «Очерки по философии искусства» (1925), «Опыт о философском методе» (1933), «Опыт о метафизике» (1940) и, наконец, изданная посмертно «Идея истории» (1946), в которой сформулирована основная направленность всех его поисков – выяснение отношений между историей и философией.

Трудно сказать, встречались ли когда-нибудь оба мыслителя лично, хотя все говорит в пользу того, что, скорее всего, могли. Но их интеллектуальное знакомство сомнений не вызывает. В «Идее истории» Коллингвуд раскритиковал книгу Тойнби «Постижение истории», о которой судил по трем первым вышедшим к тому времени томам (Коллингвуд, 1980, с. 152–158). Свои впечатления от «Постижения истории» он также изложил в частном письме к Тойнби (Bodleian Library, c). Ответ Тойнби на критику последовал в последующих томах «Постижения истории». Эпизодические упоминания работ Коллингвуда начинаются с седьмого тома, а в девятом томе Тойнби посвятил Коллингвуду специальный раздел (Toynbee, 1954b, IX, р. 718–737). Проблема, однако, заключается в том, что Коллингвуд критиковал Тойнби из 1946 г., а фактически – из 1936 г.¹, Тойнби же отвечал ему из 1954 г. Значительная дистанция. К тому же вследствие раннего ухода из жизни Коллингвуда он не имел возможности ответить, т.е. завязать дискуссию. Однако критическое отношение обоих мыслителей к историческим концепциям друг друга, по-видимому, «по умолчанию» привело к представлению о полной противоположности их идей, иначе трудно объяснить, почему материалы этой взаимной критики практически не привлекали исследовательского внимания. Исключением является небольшая работа Х. Уайта, в которой он утверждает, что, несмотря на некоторые различия взглядов Коллингвуда и Тойнби, их учения представляют собой «единую согласованную атаку на позитивизм или сциентизм в исторической мысли» [White, 2010, р. 1]. Оба исходят из убеждения, что «историческое знание может быть использовано для формулирования общей философии истории, на основе которой могут быть восстановлены культурные ценности, пострадавшие в результате господства сциентизма в современной западной мысли» [Ibid.].

Сказанное порождает интригу и стремление сопоставить позиции историков, поместив их в более широкие исторический и интеллектуальный контексты. Почему, имея столь сходные изначальные установки, комплексы их идей воспринимаются как противоположные, и столь ли разведенными на самом деле оказываются мосты между ними? Показательно, что в 1947 г. в небольшом эссе «Заметки о критике Коллингвудом Тойнби» Э. Майерс заявил о существенных ошибках Коллингвуда в восприятии идей Тойнби, что заставляет присмотреться к идеям и аргументам обоих мыслителей более внимательно [Myers, 1947, р. 485–489].

Если сосредоточиться на сути претензий, предъявляемых Коллингвудом Тойнби, то они сводятся к нескольким взаимосвязанным позициям:

1. Коллингвуд отмечает, что «Постижение истории» А. Тойнби представляет собой «новое выражение исторического позитивизма», потому что «принципы, которые определяют ее

характер, выведены из методологии естественных наук». Под последней он понимает выявление фактов с последующим установлением отношений между ними вплоть до формулирования законов (Коллингвуд, 1980, с. 155). Основными задачами такого исследования являются тщательность в работе с фактами и точность в изучении доказательств. Другими словами, в построениях Тайнби он видит не более чем версию социологического позитивизма.

2. Учение Тайнби о цивилизациях есть не что иное, как воплощение данной методологии, когда живое тело истории рассекается на множество обществ или цивилизаций (подобно тому, как оно рассекается на факты). Цивилизации мыслятся им как изолированные друг от друга объекты, «отделенные от контекста в ходе самого отбора». При этом отрицается непрерывность исторического процесса – «та непрерывность, в результате которой каждая часть перекрещивается и входит в другую» (Там же). К тому же жизнь подобных обществ, «в основе своей биологическая», выстраивается в «порочные схемы» (Там же, с. 157).

3. Тайнби не осознает, что «неотъемлемым элементом в процессе истории» является сам историк. Он рассматривает историю как некую совокупность фактов, наблюдаемых и регистрируемых историком, внешних феноменов, предстающих перед его взором, а не как опыт, в который нужно проникнуть и сделать своим (Там же, с. 156). «Подобно тому, как различные части исторического процесса у Тайнби находятся друг вне друга, процесс... и историк тоже противопоставлены друг другу. Эти две линии в конечном счете фактически сходятся на одном и том же: история превращается в природу, а прошлое, вместо того чтобы жить в настоящем, как это имеет место в истории, мыслится как прошлое, каким оно является в природе» (Там же, с. 157).

Прежде чем обратиться к ответу Тайнби на эту критику, необходимо сделать небольшое отступление к общему интеллектуальному контексту эпохи в целом и английскому в частности, в свете которых станут более понятны и критика Коллингвуда, и последовавшие на нее ответы Тайнби.

Особость английской историографии начала формироваться еще в XVII в., когда Ф. Бэкон в «Новом органоне» (1620) поставил перед собой задачу вооружить науку новой системой методов. Для последующего развития британской исторической и философской мысли важным оказалось то, что под этой системой он понимал сугубо эмпирический подход к научному познанию и увязывал его с условиями достижения истины (к истинному знанию ведет истинный метод). Логическая структура метода не была поставлена как проблема (в отличие от франко-немецкого ареала, на который сильно повлияли идеи Р. Декарта). Эта линия была продолжена философами XVIII в. – Дж. Локком, Д. Юмом и другими, повлиявшими на становление британской историографии как эмпирической науки: никаких «законов» – только «факты», на основе которых устанавливаются «события». Как писал Г. Н. Кларк, «наша работа заключается не в том, чтобы видеть жизнь... целиком, а в том, чтобы видеть одну конкретную часть жизни» (Цит. по: [Renier, 1950, р. 49]). Сказанное позволяет согласиться с Х. Уайтом, отметившим, что «приверженность строго эмпирическому взгляду была единственным фактором..., который не позволял ей [английской научной мысли. – O. B.] впасть в полный контовский позитивизм» в части попытки «установить “законы” исторических изменений» [White, 2010, р. 2].

В начале XX в. ситуация в британской историографии усугубилась, с одной стороны, усилением позиций сциентизма, произошедшего под влиянием достижений естественных наук, с другой стороны, изменением роли философии, которая в этих условиях тоже получила мощный сциентистский импульс и сосредоточилась большей частью на эпистемологических (большей частью логических) проблемах познания. Однако триумф сциентистской философии натолкнулся на ее неспособность объяснить ни сам моральный кризис, последовавший за Первой мировой войной, ни найти выход из него. Гуманистарное знание, важной частью которого была историческая наука, требовало иных способов познания «человеческих дел». В их поисках не могло не сказываться и длительное господство гегелевского идеализма в британской мысли. Собственно, этому и были посвящены первые работы Коллингвуда – понять взаимоотношения между разумом, культурой и историей, с одной стороны, и философией и историей – с другой. На развитие и итог его изысканий огромное влияние оказали Б. Кроче и А. Бергсон – мыслители, оказавшиеся в интеллектуальной «копилке» и А. Тайнби.

Становление будущего автора «Постижения истории» происходило в той же интеллектуальной среде и по сходным траекториям, что объясняет его ответ на критику Коллингвуда. Тойнби категорически не согласен в причислении его к позитивистам, и это несогласие подтверждается введением к «Постижению истории», в котором он ясно говорит об ошибочности перенесения научного метода, созданного для анализа неодушевленной природы, в историческое мышление, которое предполагает исследование людей и их деятельности. «Когда профессор истории называет свой семинар “лабораторией”, не отгораживается ли он тем самым от своей естественной среды? <...> Семинар историка – это питомник, в котором живые учатся говорить живое слово о живых. Лаборатория физика является... мастерской, в которой из неодушевленного природного сырья изготавливаются искусственные или полуискусственные предметы. Ни один практик, однако, не согласится организовывать питомник на принципах фабрики, равно как фабрику – на началах питомника. В мире идей ученые также должны избегать использования неверного метода» (*Тойнби, 1991, с. 17*). И далее он выражает сожаление, что под влиянием индустриализации анализ людей и их деятельности уподобился анализу неживой природы (Там же, с. 16), в результате чего произошло ограничение оригинального поля исторических исследований исключительно открытием и верификацией фактов (Там же, с. 15), и «гончар» превратился «в раба своей глины». Под влиянием национализма это поле ограничилось еще и рамками национальных государств, вследствие чего под угрозой оказалось «глубинное побуждение», имманентно присущее мышлению историков – охватить и понять целостность жизни.

О том, что эти мысли не являются случайными, а сформировались в ходе долгих раздумий, свидетельствуют его юношеские эссе, написанные еще в университетские годы. В одном из них Тойнби критикует естественнонаучное понимание прошлого. «Если знаешь точки на кривой, то можешь найти уравнение, нарисовать график и затем расширить известные секции кривой настолько дальше, насколько тебе нужно. Некоторые защитники такого применения математики к истории полагают, что если можно сконструировать комплексную и исчерпывающую формулу для контента некоторой части человеческой истории, временной промежуток которого охватывает половину столетия или полсекунды, то можно вывести формулу истории самой по себе, и это знание можно расширять бесконечно в прошлое и будущее» (Bodleian Library, b). В этом же эссе Тойнби (явно под влиянием Бергсона) размышляет о роли воображения и интуиции в работе историка. Историк, как заключает Тойнби, «конечно, классифицирует факты и размышляет о них, анализирует и реконструирует. <...> Но, как мне кажется, это только прелюдия. Она имеет такое же отношение к реальной работе историка, как пассы, которые гипнотизер проделывает над пациентом. Это предварительные очищения к видению, которые даются ему в акте инициации. Историк должен иметь *второе зрение, которое называется интуицией* [курсив наш. – O. V.]» (*Ibid.*).

Очевидно, что такое представление о работе историка далеко от позитивистского идеала научного познания. Почему же тогда Коллингвуд проходит мимо этих утверждений? Кажется, причина – в неустойчивости и изменчивости тойнбянской позиции при написании «Постижения истории», поскольку, наряду с обозначенной во введении критикой естественнонаучного подхода при применении его к историческим исследованиям, в первых трех томах он часто подчеркивает, что многие трудности исторического исследования можно попытаться частично преодолеть «хорошо проверенным научным методом», который противопоставляет другим подходам – априори ненаучным и трансцендентальным (*Toynbee, 1934, I, р. 426*). «Наш метод эмпирический; и не существует никакой причины для того, чтобы обращаться к априорному» (*Ibid.*, р. 146). Далее в третьем томе он пишет: «Я отказываюсь от немецкой трансцендентности Шпенглера в пользу английского эмпиризма» (*Toynbee, 1934, III, р. 382*). И только к середине своего труда он формирует однозначную позицию на этот счет, которую неоднократно повторяет в своих поздних работах.

Коллингвуд, который был знаком только с первыми тремя томами, не смог разобраться в позиции Тойнби, несмотря на то, что последний неоднократно подчеркивает не только недостаточность эмпиризма, но и относительность исторического мышления. Данная относитель-

ность касается и объективности историка: «В каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории... подчиняются господствующим тенденциям данного времени и места» (Тойнби, 1991, с. 14, 21). В седьмом томе он еще раз повторяет и дополняет эту мысль: ни сами факты, ни заготовленные заранее исследовательские средства не могут гарантировать получение эмпирически проверяемого обзора. Не только потому, что не существует универсальных средств, которые можно заготовить заранее, но и потому, что, помимо фактов, историку нужно что-то еще. В исследовательский процесс вторгается элемент неопределенности – и по ходу исследования, и в виде знания, которое предшествует фактам и оказывается очень полезным для основной цели исторического исследования – поиска глубинных значений истории (Toynbee, 1954, VII, р. 116). Однако стоит только поставить вопрос именно так – о смысле и значении истории, – как в процесс познания истории включается не только голова, но и сердце, и потому напряжение между ними не менее важная часть работы историка (Ibid., р. 506). Проявляется эта относительность и в признании роли интерпретации в работе историка: «Конечно, поиском фактов можно заниматься сколь угодно долго. Однако рано или поздно ум человека... неизбежно придет к заключению, что все это множество фактов необходимо каким-то образом упорядочить. Наступает черед синтеза и интерпретации...» (Тойнби, 1991, с. 41). При этом Тойнби подчеркивает, что «ни одно собрание фактов никогда не является полным» (Там же) и цивилизация – это вообще не состояние, а движение и странствие (Тойнби, 1995, с. 48). И потому он заявляет об условности любых построений и схем. Весь комплекс возможных объяснений и гипотез Тойнби сравнивает с билетами, при помощи которых историк попадает в некое «помещение». В результате «мы получаем не добычу, за которой охотимся», а оказываемся, согласно нашему «билету», во вновь открытой стране (Toynbee, 1934, I, р. 270).

И уж тем более Тойнби категорически не согласен с отождествлением своей концепции цивилизации с концепцией Шпенглера в части ее биологизма. «Должен ли я рассматривать природу цивилизации как бессознательный материальный жизненный процесс, как это делал Шпенглер, или я должен рассматривать ее как ментальное движение идей, как это делал Коллингвуд? В конце концов, образ мышления Коллингвуда более строгий и основательный, чем у Шпенглера. Моя позиция заключается в том, что... культура передается обществом, а общество является общей основой между индивидуальными сферами деятельности многих людей. Нет сомнений, что человеческая природа также имеет подсознательные, инстинктивные и естественные части. Однако типичная характеристика человека – желать, планировать и делать это осознанно. Поэтому моя позиция ближе к позиции Коллингвуда, чем к позиции Шпенглера (Toynbee, 1954, X, р. 439).

Таким образом, Тойнби возражает против всех выдвинутых Коллингвудом интерпретаций и оценок его труда. Он не согласен, что историческое описание в «Изучении истории» основано на позитивистском взгляде на историю, согласно которому исторические факты обладают такой же объективностью, как в естественных науках. Он признает относительность исторического мышления, произвольный, а следовательно, интеллигibleный характер выделяемых им цивилизаций и несколько раз подчеркивает близость своей позиции к позиции Коллингвуда. Тогда в чем причина непонимания этими мыслителями друг друга? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться не только к общей проблематике, но и к деталям этой взаимной критики.

Первое и самое очевидное из напрашивающихся объяснений заключается в том, что критика Коллингвуда основывалась на первых трех томах «Постижения истории» и первоначальном замысле этой книги, а не на итоговом варианте тойнбианского труда. Хорошо известно, что концепция Тойнби претерпела серьезные изменения в конце 1930-х – начале 1950-х гг. под влиянием как внешних событий, так и личных катаклизмов [Воробьева, 2022, с. 74–98], приобретая вид философии истории, а не просто учения о цивилизациях. Это объясняет, почему при сходных с Коллингвудом изначальных интенциях (понять науку о человеческих делах) и даже близких высказываниях о специфике исторического мышления Тойнби в период вызревания замысла «Постижения истории» и написания первых томов не смог до конца определиться с ответом на

этот вопрос. Отсюда метафорические аналогии цивилизаций с живыми организмами, акцент на эмпиризме, стремление к открытию законов развития человеческих сообществ. Эта неопределенность и незавершенность не позволили Коллингвуду увидеть «другую сторону» тойнбианских рассуждений об истории, в том числе заявлений Тойнби об интеллигibleльном характере его построений – одном из важнейших, на наш взгляд, положений его концепции.

Собственно, непонимание этого положения привело Коллингвуда к критике якобы изолированности цивилизаций в построениях Тойнби. Его самое большое несогласие вызывала невозможность рассматривать западную цивилизацию как продолжение эллинской и способности цивилизаций оказывать влияние друг на друга. «Мы не имеем права утверждать, что Эллинистическая цивилизация превратилась в Западное христианство в процессе развития, включавшего усиление одних ее элементов, исчезновение других, возникновение новых в недрах самой этой цивилизации и заимствование некоторых элементов из внешних источников. Философским принципом, лежащим в основе набросанной нами картины, был бы принцип, утверждающий, что цивилизация может развить из себя новые формы, оставаясь в то же время самой собою. Принцип же Тойнби гласит: если цивилизация изменяется, то она перестает быть самой собой и возникает новая цивилизация. <...> Мы должны сказать совершенно точно, где кончается одно и начинается другое общество. Мы не имеем права говорить о постепенном переходе одного в другое» (Коллингвуд, 1980, с. 155–156). Почему Коллингвуда так волнует этот момент? Дело, как мне кажется, в тех исходных теоретических посылках, которые выбрали для себя оба британских историка.

Тойнби как теоретик цивилизации предложил свою условную (!) категорию для понимания исторического процесса и выработал категориальный аппарат для различия цивилизаций. Он ни в коем случае не отрицал влияния эллинской цивилизации на западную, но, опять-таки согласно выбранным критериям анализа, подчеркивал их особость. Об условном характере такого деления исторического процесса свидетельствует, в частности, его тезис о философской эквивалентности цивилизаций. Очевидно, что Тойнби прекрасно понимал различие цивилизаций во времени и пространстве и не пытался сравнивать их на эмпирическом уровне. Он говорил об их философской (!) эквивалентности на уровне проблем, с которыми сталкиваются люди во все времена: войны, классовая борьба, культурные и социальные контакты с окружающими их народами и прочее, «сплетенные в паутину добра и зла» (Greek Historical Thought..., 1950, р. xxix–xxx; Тойнби, 1995, с. 23–24)². Речь, скорее, идет об исследовании человеческой природы и духа сквозь призму разных цивилизаций. Неслучайно в последних томах Тойнби появляется идея истории как драмы поиска человеком Бога во времени, где цивилизации со своим опытом взлетов и падений являются лишь ступеньками, а, вернее, даже инструментами для достижения высших смыслов. И уж, конечно, Тойнби не рассматривал их как изолированные феномены. Об этом свидетельствуют последние тома «Постижения истории», содержание специальные разделы, посвященные контактам цивилизаций и их влиянию друг на друга.

Коллингвуда исторический процесс интересовал с иной точки зрения, а именно участия в нем человеческого разума. Его философия истории базировалась на взаимосвязи разума и природы. Согласно Коллингвуду, мир природы проходит несколько стадий, высшей из которых на данный момент является человеческая природа, благодаря появлению в ней разума и самосознания. Стало быть, изучение развития человеческой природы требует и уникальной дисциплины, какой является история. Поскольку именно разум и самосознание оказываются в центре внимания Коллингвуда, то под историческим событием он понимает только такое, какое является продуктом целенаправленной рефлексии, и мысль как продукт этой рефлексии фиксируется в некоем культурном артефакте (Коллингвуд, 1980, с. 394–390). Таким образом, историческое познание заключается в том, чтобы реконструировать мысль, выраженную в артефакте. Философия же посредством исторического познания развивает свои представления о разуме. Благодаря изучению этого интеллектуального опыта, познаются различные фазы развития человека. Самосознание разума во времени Коллингвуд называет цивилизацией. И утверждает, что эта фаза человеческого развития указывает на возможность следующей фазы, в которой посредством самопознания все умы объединяются в полностью реализованном абсолютном разуме.

«Тогда абсолютный разум объединяет различия моего разума и разума других людей, но не так, как объединяет абстрактное всеобщее; скорее, как объединяет конкретное всеобщее истории. Абсолютный разум – это историческое целое, частью которого является мое» (*Collingwood*, 1924, р. 299). Именно поэтому Коллингвуда интересовала индивидуальная человеческая мысль, а не законы в истории.

Не сосредотачивая свое внимание на критике, которая может быть выдвинута против концепции Коллингвуда (а таковой было достаточно много), обратимся только к тем ее аспектам, которые помогут прояснить обмен взаимными претензиями Коллингвуда и Тайнби. Поставив в центр своей концепции развитие мысли, Коллингвуд мыслит цивилизацию как процесс познания разумом самого себя. В этой ситуации развитие западной цивилизации понимается им как постоянная реконструкция в себе достижений эллинской мысли, т.е. как глубоко внутренняя связь. Поэтому Предлагаемое Тайнби разделение между двумя цивилизациями кажется ему произвольным, поскольку сама история является развитием абсолютного разума. Другой его аргумент против подобного деления состоит в противопоставлении логического и исторического. Любая мысль в истории индивидуальна, в то время как тайнбийские цивилизации развиваются согласно общим и неизменным законам (*Collingwood*, 1964, р. 12). Но такой способ познания характерен для неживой природы и совершенно не подходит для анализа человеческих дел. «Там, где логический ум ищет общие законы, исторический ум ищет конкретные факты и объясняет их, апеллируя к другим фактам, а не к законам» (*Ibid.*, р. 14).

Суть же несогласия Тайнби заключается не в отрицании роли разума в развитии цивилизаций, а, как ему кажется, в абсолютизации его. Поклонение исключительно интеллектуальной мысли видится ему идолопоклонством, исключающим интуицию, откровение, эмпатию и другие способы постижения истории. На самом деле, если обратиться к трудам Коллингвуда, это ошибочное представление, потому что он считает другие формы познания мира включенными в интеллектуальное познание как предшествовавшие ему. Наконец, претензия Тайнби к Коллингвуду заключается в отсутствии Творца в его концепции, без чего невозможно понять смысл истории. Однако и здесь позиции двух ученых гораздо ближе, чем может показаться на первый взгляд: там, где в концепции Тайнби в качестве движущей силы исторического развития находится Творец, в концепции Коллингвуда – самореализация разума, стремящаяся, как уже было отмечено выше, к объединению в абсолютном разуме. «Призрак» Гегеля на горизонте очевиден в обоих случаях. Сказанное, кстати, позволяет еще раз усомниться в позиции Тайнби как позитивистской. Юношеский эмпиризм больше не удовлетворяет Тайнби. Теперь он утверждает (как и Коллингвуд), что строгий эмпиризм заставляет изучать факты истории таким образом, что их истинное значение не может быть обнаружено.

В свете этого вывода не кажутся столь уж противоположными представления Коллингвуда и Тайнби об относительности исторического мышления. Согласно Коллингвуду, эта относительность всегда достигается тем, что исследователь смотрит на свой объект не с нейтральной позиции, а из определенной точки в пространстве и во времени. Она же позволяет историку задавать вопросы и ставить проблемы. «Каждое настоящее располагает собственным прошлым, и любая реконструкция в воображении прошлого нацелена на реконструкцию прошлого этого настоящего, настоящего, в котором происходит акт воображения, настоящего, воспринимаемого “здесь и теперь”» (*Коллингвуд*, 1980, с. 235–236). Сам объект тоже не остается неизменным; он меняется в зависимости от того вопроса, который задает историк (Там же, с. 268–287)³. Тайнби в целом разделяет эту позицию (*Toynbee*, 1934, I, р. 16) и признает роль настоящего в видении прошлого: «Единственное, что высвечивается нам [нашим воображением. – O. B.], – это наше настоящее, наш собственный мир, который сконцентрирован вокруг нас и существует рядом с нами. Это единственное, что доступно нам ощутимо и в деталях» (Bodleian Library, b). И еще раз подчеркивает, что «каждый из... новых взглядов нарисует новую картину и в другой перспективе», но «спустя какое-то время <эти> попытки будут скорректированы и пересмотрены» (*Ibid.*). Однако Тайнби пытается подловить Коллингвуда на логической ошибке, связанной, по его мнению, с определением взаимоотношения между вечным и относительным объектом. Сам он рассматривал эту связь историка с объектом как его постоянное дополнение и полагал,

что это дополнение является вечным (абсолютный объект). Для Коллингвуда же вечный объект – это такой объект, который может в любом месте и в любом времени быть воссоздан в сознании историка. Тойнби же, не обратив внимания на весь ход его рассуждений, увидел противоречие между его определением вечного объекта и утверждением о подвижности объекта, которая возникает благодаря относительности мышления историка, и пришел к выводу о том, что тот допустил ошибку. К сожалению, поскольку Коллингвуд ушел из жизни раньше, у него не было возможности пояснить свое решение противоречия между абсолютностью и относительностью исторических объектов. Другими словами, в данном случае Коллингвуд и Тойнби, скорее всего, опять не поняли друг друга, как, собственно, и в других деталях. Например, Коллингвуд полагал, что любое событие состоит из мысли внутри и внешних ее проявлений, и для понимания первой необходим глубокий анализ внешней ситуации. Нам кажется, эта ситуация очень близка к тому, что Тойнби называет социальной средой, в которой осуществляют свою деятельность и исторические акторы, и историки.

Таким образом, несмотря на внешнее различие концептуальных построений Коллингвуда и Тойнби (история идей у Коллингвуда и история цивилизаций у Тойнби), а также вытекающих из них методологических оснований, направленность их поисков и решение фундаментальных для историка вопросов не столь уж и различаются. Коллингвуд, критиковавший Тойнби за то, что тот не понимает субъективной предвзятости историков, упустил из виду признания Тойнби об относительности исторического мышления, а потому интеллигibleном характере своей теории цивилизаций. Тойнби же в своей критике концепции Коллингвуда как чрезмерно интеллектуалистской не обратил внимания на роль в ней иррациональных процедур для понимания идей прошлого. Оба признавали специфику истории и отличие способа ее познания от естественных наук. Коллингвуд увидел смысл истории в прогрессивном самопознании человеческого разума, Тойнби (со временем) – в прогрессивном движении к Творцу, т.е. рассматривали историю как способ мышления для понимания человеческого духа. Оба были уверены, что историческое знание является видением реальности, которое содержит в себе все другие формы знания о ней. Первоначально сильные сциентистские интенции Тойнби по ходу написания «Постижения истории» уступили место их критике, поскольку строгий эмпиризм не позволял понять «истинное» значение фактов. Да и эмпиризмом то, что с самого начала делал в «Постижении истории» Тойнби, назвать сложно, равно как и выявляемые им «законы», которые на самом деле содержат сильную субъективную и иррациональную составляющую. Методологическое несоответствие между довоенными и послевоенными томами «Постижения истории» является следствием движения тойнбианской мысли и внесения корректировок в саму концепцию, в том числе в проблему понимания взаимосвязи между относительностью исторического мышления и наличием абсолютных объектов познания при признании этой относительности. В этой связи можно согласиться с мнением Х. Уайта, когда он пишет, что «и “идеализм” Коллингвуда, и гностическая теософия Тойнби, если они и конфликтуют по определенным пунктам, то согласны, когда нападают на позитивизм и эмпиризм как на неадекватные ответы на вопросы, задаваемые историей современным западным человеком» [White, 2010, p. 21]. А также с тем, что оба историка создали заметную трещину в «броне» британской историографической традиции, долгое время избегавшей контактов с континентальным историцизмом и философией истории. В эпоху кризисов и Коллингвуд, и Тойнби осознали глубину и значимость связи между философско-историческим взглядом на историю и способами переживания настоящего и начали задавать вопросы не только истории, но и об истории.

Примечания

¹ Несмотря на то что «Идея истории» была опубликована в 1946 г., т.е. когда вышел уже второй пул томов «Постижения истории» (т. IV–VI), Коллингвуд был знаком только с первыми тремя томами. В своем тексте он упоминает о трех томах, которым в будущем предстоит стать более обширным текстом: «К настоящему времени Тойнби опубликовал три первых тома из своей гораздо более широко задуман-

ной работы» (Коллингвуд, 1980, с. 153). Редактор издания также делает пометку о том, что Коллингвуд написал этот раздел в 1936 г. и не пересматривал впоследствии.

² Впервые эта мысль была выражена в предисловии к книге, которую Тойнби составил и перевел как подборку выдержек из древнегреческих авторов в 1924 г.: *Greek Historical Thought: From Homer to the Age of Heraclius / transl. by A. J. Toynbee*. London: J. M. Dent & Sons, 1924. Здесь цит. по изданию 1950 г. Впоследствии она была воспроизведена во всех работах Тойнби (см., например: Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. 1995. С. 23–24).

³ Подробно этот вопрос Коллингвуд разбирает в части V, §4 «История как воспроизведение прошлого опыта», с. 268–287.

Список источников

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. 486 с.

Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: СПб.: Прогресс; Культура; Ювента, 1995. 478 с.

Bodleian Library, Toynbee Papers, Juvenilia, Smith J. A. Hegel and after (*a*).

Bodleian Library. Toynbee papers. Juvenilia, What the Historian Does (*b*).

Bodleian Library, Toynbee Papers, letter, R.G. Collingwood to AJT, 12 October 1939 (*c*).

Collingwood R.G. Logicism and Historicism // Essays in the Philosophy of Art / ed. by A. Donagan. Bloomington: Indiana University Press, 1964. P. 12–17.

Collingwood R.G. Speculum Mentis, or the Map of Knowledge. Oxford: Clarendon Press, 1924. 336 p.

Greek Historical Thought: From Homer to the Age of Heraclius / compiled and transl. by A.J. Toynbee. London: J.M. Dent & Sons, 1950. 256 p.

Toynbee A.J. A Study of History. Vol. I–X. Oxford University Press, 1934–1954. Vol. I–III. 1934; Vol. IV–VI. 1939; Vol. VII–X. 1954a.

Toynbee A.J. R.G. Collingwood's View of the Historian Relation to the Objects that He Studies // Toynbee A.J. A Study of History. Vol. IX. Oxford University Press, 1954b. P. 718–737.

Библиографический список

Воробьева О.В. «Он поразил меня с силой откровения»: бергсонианские мотивы в творчестве Тойнби // Диалог со временем. 2023. № 84. С. 43–60.

DOI: 10.21267/aquilo.2023.84.026. EDN: DRIWGK.

Воробьева О.В. Методологическая одиссея А.Дж. Тойнби // Профессиональная идентичность и самосознание историка. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 74–98.

Воробьева О.В. Три возраста А. Дж. Тойнби // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 773–842.

Мосс М. Коллингвуд Робин Джордж // Великие мыслители Запада / пер. с англ. В. Федорина. М.: Крон-пресс, 1998. С. 725–730.

Benedetto Croce: an Autobiography / transl. from the Italian by R.G. Collingwood; with a preface by J.A. Smith. Oxford: Clarendon Press, 1927. 116 p.

Croce B. Historical Materialism and the Economics of Karl Marx / transl. by A.D. Lindsey. New York: Macmillan, 1914. 224 p.

Croce B. The Philosophy of Giambattista Vico / transl. by R.G. Collingwood. London, 1913. 317 p.

Myers E.D. A Note on Collingwood's Criticism of Toynbee // Journal of Philosophy. 1947. Vol. 44 (18). P. 485–489.

Renier G.J. History: Its Purpose and Method. London: Allen & Unwin, 1950.

Toynbee and History. Boston, 1956. 385 p.

White H. Collingwood and Toynbee: Transitions in English Historical Thought // White H. The Fiction of Narrative: Essays on History, Literature, and Theory, 1957–2007 / ed. and with an introduction by R. Doran. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2010. P. 1–22.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.01.2025

COLLINGWOOD AND TOYNBEE

O. V. Vorobieva

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Leninsky pr., 32a, Moscow, 199334, Russia

Russian State University for the Humanities, Miusskaya pl., 6, Moscow, 125993, Russia

vorobushek1@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219143646

Researcher ID: R 8790-2016

SPIN: 7048-9027

The article is devoted to the analysis of the critical remarks of Collingwood and Toynbee addressed to each other, made in the "Idea of History" and "Comprehension of History". This exchange of opinions didn't become a discussion due to Collingwood's early death, and therefore not all of its provisions remained clarified, and its acutely polemical nature on Collingwood's part confirmed the opinion in the scientific community about the opposition of their views. Meanwhile, an analysis of their mutual criticism allows us to conclude misunderstanding both thinkers each other in the matters of the relativity of historical knowledge, the possibility of scientific knowledge of history and its conceptualization. Collingwood, criticizing Toynbee for his objectivism, didn't notice in his concept the reasoning about the relativity of historical thinking. Toynbee, criticizing Collingwood for excessive intellectualism, didn't understand that his way of conceptualizing history includes an analysis of human ways of thinking, but not just a rational component. A comparative analysis of their positions shows that, conflicting with each other on individual points, they held similar ideas about the purpose of history and some fundamental principles of historical knowledge. Both sought a way out of the crisis of historical knowledge through criticism of positivism and the excessive scientism of historical cognition. Both saw this solution in a middle position between historicism and the philosophy of history. Both linked the study of the past with a universal view of history to solve the problems of the present.

Key words: R. J. Collingwood, A. J. Toynbee, "The Idea of History", "A Study of History", relativity of historical thinking, the meaning of history, historical cognition.

References

- Croce, B. (1913). *The philosophy of Giambattista Vico* (R. G. Collingwood, Trans.). Howard Latimer.
- Croce, B. (1914). *Historical materialism and the economics of Karl Marx* (A. D. Lindsey, Trans.). Macmillan.
- Croce, B. (1927). *An autobiography* (R. G. Collingwood, Trans.). Clarendon Press. (Original work published 1918).
- Moss, M. (1998). Collingwood, Robin George. In *Velikiye mysliteli Zapada* [Great thinkers of the Western world] (V. Fedorin, Trans.; pp. 725–730). Kron-Press.
- Myers, E. D. (1947). A note on Collingwood's criticism of Toynbee. *The Journal of Philosophy*, 44(18), 485–489.
- Renier, G. J. (1950). *History: Its purpose and method*. Allen & Unwin.
- Toynbee and history: Critical essays and reviews. (1956). Porter Sargent.
- Vorobieva, O. V. (2014). The three ages of A. J. Toynbee. In *Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoye vremya* [Ideas and people: The intellectual culture of Europe in modern times] (pp. 773–842). Akvilon.
- Vorobieva, O. V. (2022). The methodological odyssey of A. J. Toynbee. In *Professional'naya identichnost' i samosoznanie istorika* [Professional identity and self-consciousness of a historian] (pp. 74–98). IVI RAN.
- Vorobieva, O. V. (2023). "He struck me with the force of a revelation": Bergsonian motifs in A. J. Toynbee's works. *Dialog so vremenem*, 84, 43–60.
- White, H. (2010). Collingwood and Toynbee: Transitions in English historical thought. In R. Doran (Ed.), *The fiction of narrative: Essays on history, literature, and theory, 1957–2007* (pp. 1–22). Johns Hopkins University Press.